

© 2023 г.

А.Б. ГОФМАН

О ГОСПОДСТВЕ ИДЕИ ГОСПОДСТВА: «ВОЛЯ К ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ. Часть II

ГОФМАН Александр Бенционович – доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (agofman@hse.ru).

Аннотация. Рассматриваются идеи «властного детерминизма» и «властного редукционизма» применительно к сфере социально-научного познания. В отличие от классической эпохи развития социальной науки, основанной на идее непредвзятого поиска истины, сегодня необычайную популярность обрело представление о научном знании как политически ангажированном и подчиненном социальным движениям, выступающим под «прогрессивными» лозунгами: справедливости, равенства, освобождения и т.п. Идеология конформизма по отношению к данным движениям занимает сегодня господствующее положение в университетской системе Запада. Особую роль в процессе сведения научного познания к фактору власти сыграли идеи таких левых анархистов и пионеров «кафедрального нигилизма», как М. Фуко и П. Фейерабенд. В их творчестве можно обнаружить источники популярных социальных движений, для которых истина – продукт тех или иных форм господства: классового, расового, гендерного, колониального и т.д.; автономия научного познания при этом отрицается. Отчасти популярность «властного детерминизма» объясняется усилением фактора политической власти и расширением возможностей его использования и камуфлирования, в частности, благодаря современным информационным технологиям. В целом экспансия «властного детерминизма» и «властного редукционизма» в сфере социологического знания ведет к снижению его уровня и авторитета.

Ключевые слова: власть • господство • социальная теория • наука, «власть-знание» • причины • следствия • П. Фейерабенд • М. Фуко

DOI: 10.31857/S013216250025793-5

Знание = власть, власть = знание. Тенденция господства идеи господства не могла не затронуть трактовки научно-познавательных процессов. Речь идет либо о господстве самого субъекта познания, представленного главным образом институционализированной, академической, университетской наукой, либо о господстве над познанием той или иной социально-политической силы, у которой оно оказывается в подчинении. Возможности самого познавательного процесса при этом минимизируются или сводятся к нулю, поскольку он рассматривается как орудие того же господства, сопротивления ему или борьбы за него. Тезис Ф. Бэкона «Знание – сила» заменяется другим, а именно «Знание – силой», иначе говоря, «Сила есть знание».

Подобное представление имеет достаточно давние исторические истоки – в истории социальной мысли античности, позднее – у представителей анархизма, марксизма, левых интеллектуалов. С другой стороны, представители таких дисциплин, как социология познания и социология науки, независимо от их политико-идеологических симпатий и антипатий, как раз заняты тем, что изучают социальные, в том числе властно-политические, факторы и последствия познавательных процессов. Среди классиков М. Вебер писал о «господстве через знание», характерном, в частности, для бюрократического управления [Вебер, 2016: 263].

Но особенность трактовок, о которых речь в настоящей статье, состоит в том, что отрицается автономия научного познания, как и его самоценность: оно сводится к социально-политическому господству, осуществляемому самим этим познанием, над ним и через него. У истоков этой вульгарно-социологистской эпистемологической позиции также находился Фуко. Он отрицал существование не только абсолютной истины, но истины как таковой, несмотря на частое использование самого этого слова. В его интерпретации истина (по его выражению, «игры истины») – это результат чего угодно: власти, «игр власти», ее «диспозитивов» (впрочем, и сама истина у него выступает в качестве такого «диспозитива»), сопротивления власти и т.п., но только не собственно познания как такового, или если все-таки познания, то в последнюю очередь. Статус познания, особенно научного, в его истолковании либо нулевой, либо очень низкий: отсюда его популярный понятийный гибрид «власть-знание».

Высказывания Фуко относительно влияния разных форм власти, политической и всякой иной, на познание, в частности научное, многочисленны и, как правило, радикальны. Из чтения ряда его текстов следует, что не познание, а власть формирует представление о том, что есть научная истина; более того, она создает истину как таковую. Тем не менее иногда его суждения становятся неожиданно умеренными и вместе с тем сами собой разумеющимися, сверхбанальными. В подобных случаях читателю нечего ему и возразить. Например, в одном интервью Фуко говорил, полемически отстаивая обоснованность своих ранних и гораздо более радикальных высказываний: «Невозможно осмыслить успехи научного знания, не думая о механизмах власти» [Фуко, 2002: 322]. Очевидно, с этим суждением невозможно не согласиться: с ним, собственно, никто никогда и не спорил. Проблема в том, что если оставить за Фуко правоту подобных формулировок, очистив их от радикальных, расплывчатых, более чем сомнительных утверждений, тогда от его теорий мало что останется, и может оказаться, что дискутировать вообще не о чем.

По Фуко, научное знание – господствующее знание. Оно есть результат борьбы между «ненаучными» формами знания, с одной стороны, и «настоящими», научными формами с их господствующими теориями – с другой, борьбы, в которой последние одержали победу. Но Фуко не считает эту победу заслуженной. Она – результат борьбы за существование в сфере познания, но в этой борьбе торжествуют не естественный отбор, справедливость и истинность, а сила. В истолковании Фуко наука сегодня – «дисциплинарная полиция знаний»¹ [Фуко, 2005: 197], система принуждения и угнетения. Он решительно против этой системы.

Свою познавательную цель Фуко видел в том, чтобы низвергнуть научное знание с вершины иерархии познания и возвысить ненаучное знание до этой вершины. Он много говорил о «противостоянии», «борьбе», «восстании» «против научного дискурса, его знания и власти» [Фуко, 2005: 33]. Борьба против «научной нормативности» для него – часть его борьбы с нормативностью вообще. Он не без удовлетворения констатирует в современном обществе явление, которое называет «восстанием» «подчиненных знаний», или «локальных знаний», против господства университетской науки [Фуко, 2005: 28–30].

¹ В данном случае не имеют особого значения историко-этимологические коннотации слова «полиция», о которых пишет Фуко: первоначально оно понималось как «совокупность средств, необходимых для внутреннего приумножения сил государства» [Фуко, 2011: 471].

В этой связи уместен вопрос: как возможна такая позиция Фуко? Ведь он сам был видным представителем той самой официальной науки, которую необходимо свергнуть с властного трона? Он посвятил многие годы научным занятиям в библиотеках и архивах, опубликовал множество трудов, получивших широчайшую известность, читал лекции в знаменитых университетах мира и занимал престижнейший пост профессора в Коллеж де Франс. Нередко ему нравилось выступать в роли «невинного наблюдателя», «счастливого позитивиста», отстаивающего превосходство «чистой», «строгой» науки, девиз которой – «серьезность» [Миллер, 2013: 217; Эрибон, 2008: 323].

Дело в том, что роль академического ученого была лишь одной из многочисленных масок Фуко, которые он менял довольно часто. Другой, не менее важной для него, была маска бунтаря, *enfant terrible* академического мира. Его справедливо квалифицируют как отца *Kathedernihilismus* [Миллер, 2013: 21], «катедер-нигилизма», по аналогии с «катедер-социализмом» рубежа XIX–XX вв. «Кафедральные нигилисты», находясь внутри академической, университетской науки, стараются всячески ее опорочить, постоянно разоблачая ее как одну из главных форм «господства».

Фуко выступал прежде всего как активный «борец», «воин» западного идейно-политического фронта, не очень озабоченный ясностью, обоснованностью и последовательностью своих позиций. «Именно воином был Фуко, а воин не станет подыскивать формулировки, доказывать, говорить, что он прав: он не возмущен, а разгневан; он ссорся со своим делом или, вернее, оно с ним срослось; и он борется за него, не отвлекаясь на споры. У него нет убежденности, но есть решимость (“убеждения имеют дураки”, – сказал он однажды)» [Вен, 2013: 163]. Это писал его ближайший друг и сторонник, известный французский историк Поль Вен. Фуко постоянно боролся за «освобождение» от несправедливости в самых разных сферах, обнаруживая ее источник в происках вездесущей власти. Тем не менее он был конформистом: примыкая то к одному, то к другому политическому движению, а затем отмежевываясь от них, занимая посты в государственных учреждениях, он так или иначе приспосабливался к изменчивой политической конъюнктуре.

Впрочем, Фуко был не одинок в борьбе против «угнетения» наукой и учеными. Еще одним влиятельным «кафедральным нигилистом», теоретиком науки, который энергично боролся с «господством» науки, явился его современник, австрийско-американский философ П. Фейерабенд (1924–1994). Как и Фуко, он считал себя анархистом, главным образом эпистемологическим и методологическим. Подобно французскому единомышленнику, он симпатизировал левому радикализму и был склонен к эпатажу, хотя не в такой степени, как Фуко. «Сегодня наука господствует не в силу ее сравнительных достоинств, а благодаря организованным для нее пропагандистским и рекламным акциям», – писал он [Фейерабенд, 1986: 513].

Фейерабенд выступал за то, чтобы в свободном обществе все культурные традиции имели «равные права и равный доступ к центрам власти» [там же: 470]. Это требование относилось прежде всего к познавательным традициям. Последние в современных европейских обществах представлены европейской же наукой, которая, с его точки зрения, несправедливо и незаслуженно занимает господствующее положение.

В свободном обществе, по Фейерабенду, проблемы должны решаться не интеллектуалами, не специалистами сферы науки (хотя их советы, по его признанию, нужно учитывать), а «заинтересованными лицами» в соответствии с идеями и способами, которые они считают наиболее ценными и подходящими [там же: 471]. Необходимость «разрушения авторитета науки» и других «стесняющих институтов» не вызывала у него сомнений. Правда, в отличие от Фуко, он считал, что это разрушение должно быть не радикальным, а «постепенным», результатом не восстания «подчиненных» знаний, а «гражданской деятельности» [там же: 519].

Борьба анархистов Фуко и Фейерабенда, других «кафедральных нигилистов» против «господства» университетского научного знания не осталась без продолжения. Сегодня мы можем наблюдать ее последствия, носящие фундаментальный характер. Самое любопытное, что эта борьба в значительной мере сосредоточилась как раз в самих

университетах, в том числе престижных. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что названные борцы с университетской наукой были влиятельнейшими университетскими профессорами, получившими мировое признание.

Сегодня благодаря последователям Фуко и Фейерабенда, прямым и отдаленным, преднамеренным или не подозревающим об их существовании, мы узнаём, что «Истина» – конструкт европейского Запада [Мюррей, 2021: 234]. Этот конструкт не имеет права на существование, представляя собой не более чем камуфляж, скрывающий господство белых, богатых, гетеросексуальных мужчин, которым посредством насилия и разных трюков удалось навязать глубоко ошибочную и вредную идею истины остальному миру. Задача подлинной науки в том, чтобы любым путем ликвидировать ее господство и в идеале уничтожить ее как таковую. И в то же время, разумеется, заменить это господство другим!

Понравились ли бы таким теоретикам науки и одновременно пионерам бескомпромиссной борьбы с ее господством, как Фейерабенд и Фуко, подобные плоды их деятельности? Может быть, сегодня задавать подобный вопрос вряд ли уместно. Если все-таки есть смысл это делать, то можно предположить несколько вариантов их ответов. Может быть, они радостно присоединились бы к толпам сторонников отмеченной позиции. Возможно, заявили бы, что их неправильно поняли, что их взгляды извратили. Не исключено, что они не признали бы их плодами именно *своей* деятельности. И в самом деле, подобные явления обычно бывают порождены множеством факторов. В любом случае моральная и интеллектуальная ответственность названных «кафедральных нигилистов» за отмеченные следствия их идей, прямые и косвенные, вполне очевидна.

С предыдущим связано и такое явление в сегодняшней науке, как изменение роли и оценки политической и прочей ангажированности социального ученого. Если во времена классической социологии он рассматривался как беспристрастный, независимый, объективный исследователь, стремящийся быть «над схваткой», то сегодня такая позиция чаще всего признается не только невозможной, но и нежелательной. Уместно подчеркнуть: при всех различиях научных программ Дюркгейма и Вебера, их объединяла общая научная этика, этика честного и непредвзятого исследования. Оба они полагали, что роль социолога, с одной стороны, и государственного, партийного деятеля или политического активиста – с другой, – разные роли и этические позиции; смешивать их не следует, так как это вредно с профессиональной и ущербно с этической точки зрения.

Сегодня в теоретической социологии и в смежных науках такой подход, как правило, считается несостоятельным и немодным. Многие полагают, что сама научная этика, которой руководствовались классики социологии, эти белые мужчины, представляющие господствующую науку господствующего класса господствующих государств, невозможна, как невозможны неангажированная наука, научная истина и ее честный бескорыстный поиск.

А что возможно? Стремление к господству, маскирующееся под эти «мнимые» добродетели, и разоблачение этих последних социальными активистами. Они, согласно нынешней моде, выступают в роли «подлинных» ученых, которые, с одной стороны, отвергают официальную университетскую («либеральную») науку, а с другой (на всякий случай!) – обзавелись учеными степенями и весьма комфортно в ней же обосновались.

Под влиянием разного рода модных идеологических течений целью социальной науки провозглашается не постижение истины, а победа в борьбе за господство. Социальный ученый превращается в «активиста», разоблачителя и борца за интересы определенных социально-политических («прогрессивных» или «консервативных») сил или за свои собственные (причем не научные и не познавательные!) интересы. Социологи оказываются в подчинении у различных политических структур, организаций и движений.

Отсюда такие отрасли и проблемные области, как «феминистская социология», «гендерные исследования», «квир-исследования», «черные исследования», «исследования близны» и т.д. и т.п. Все они включены в определенные социально-политические движения, находятся у них в подчинении и обслуживают их, заняты поисками все новых и новых, скрытых и явных, форм господства и средств борьбы с ним. Получаемое подобными

исследователями знание чаще всего совершенно справедливо не вызывает доверия за пределами обслуживаемых ими социальных движений и университетских кампусов, где, впрочем, они окопались довольно основательно.

Такие тенденции в последние годы порождают падение общественного авторитета социологии и других социальных и гуманитарных наук. Многие ученые считают это знание, несмотря на его модность, разоблачительный пафос и попытки апеллировать к науке, бессмысленной и бесполезной болтовней, своего рода эзотерикой, далекой от науки. Однако в условиях господства подобного рода взглядов и их агрессивного насаждения в университетско-академической среде они не всегда решаются выражать свои позиции.

Причины и следствия «властного детерминизма». Как следует из предыдущего, есть все основания констатировать своего рода завоевание понятийного пространства социальной теории концептом власти-господства. Осталось выяснить, в чем причины этого явления. Ответ на этот вопрос следует искать, разумеется, не только внутри собственно социальной теории, но и вне ее, в социальной реальности. Впрочем, в проблематике власти-господства, вероятно, как ни в какой другой, к сегодняшнему дню границы между социальной теорией и социальной, особенно политической, практикой оказались почти стертymi.

Безусловно, выдвижению власти и господства как своего рода базиса в социальной теории способствовало реальное усиление этих факторов в жизни современных обществ. Сама эта тенденция зафиксирована сравнительно давно. В книге, опубликованной в 1945 г., политолог, экономист и футуролог Б. де Жувенель утверждал, что в истории европейских обществ, включая «демократические», происходит неуклонное возрастание и разрастание государственной власти, основа которой всегда и везде состоит в «повелевании» [Жувенель, 2011: гл. VI]. Если прежде власть носила видимый характер, так как была выражена в личности монарха, то в современную эпоху она носит маску анонимности, представляя себя орудием общей воли, не имеющим собственного существования, безличным и беспристрастным [там же: 35]. Теперь, по Жувенелю, в ее распоряжении гораздо более мощные средства воздействия и маскировки, такие как специальные аппараты, собственное «машинное отделение», механизмы внушения и пропаганды.

Де Жувенель опирался на огромный исторический и социологический материал, оставаясь главным образом в рамках политической теории, не претендуя на радикальное обновление социального знания на основе концепта власти. В отличие от Фуко, подчеркну, он не был «властным редукционистом», не стремился видеть власть везде и всюду, сводить к ней всю социальную жизнь, не трактовал ее как всеохватывающее и всепроникающее явление. Речь в его работе идет именно о государственной власти и возрастании ее мощи.

Отмеченные Жувенелем процессы за прошедшие десятилетия приобрели невиданный размах, в том числе благодаря современным информационным технологиям. Нынешнее главенство концепта власти, его трактовка в качестве объясняющего принципа внутрисоциального и мирового порядка связаны прежде всего с тем, что незыблемый и легитимный характер этого порядка оказался под вопросом. (Похожая ситуация сложилась в 1945 г., когда вышла книга де Жувенеля.) В современных обществах, включая «демократические», ответ на вопрос, что считать легитимным, а что нет, и в связи с этим, что считать насилием, а что узаконенным наведением порядка или справедливой борьбой против угнетения, совсем не очевиден. Во всяком случае, это стало менее очевидным, чем сравнительно недавно. «Во всех операциях по установлению и наведению порядка легитимность так или иначе становится проблемой и обсуждается наиболее горячо, – писал З. Бауман. – Борьба идет из-за грани, отделяющей правильное (т.е. ненаказуемое) использование силы и принуждения от неправильного (т.е. наказуемого). “Война против насилия” ведется во имя монополии на использование силы» [Бауман, 2002: 263].

Легитимность испытывает удары и напряжения внутри отдельных обществ и извне, со стороны доминирующих в мире государств и их союзов. Власть-господство и насилие все больше становятся не следствием легитимности социального порядка, а источником

этого последнего и его заменой в качестве легитимирующей силы. Значение правил (норм и т.п.) в мировом и во внутригосударственном масштабе не отвергается, а зачастую, наоборот, подчеркивается. Однако сами правила приобретают произвольный и инструментальный характер, так как формулируются, интерпретируются и применяются монопольной властью по своему усмотрению, конъюнктурно, в соответствии с интересами и устремлениями определенных групп. В результате власть норм сменяется нормами власти. «Правила» все чаще служат инструментом и маскировкой «боев без правил».

Чем менее легитимны общество и его институты, тем более важную роль играют властные отношения, которые их постоянно определяют и переопределяют, изобретают и принудительно внедряют, формируют и реформируют, так или иначе прибегая к использованию силы. «Дело уже не просто в том, что нынешние человеческие отношения, как и все социальные атрибуты эпохи модернити, требуют определенных усилий для подгонки их под некую модель, а в том, что подобные модели не являются больше “заданными”». Эти модели сами превратились в задачи, которые приходится решать в условиях отсутствия “нормативного регулирования” и четких критериев, позволяющих считать задачу решенной. Забавная игра, в которой правила и цели являются в то же время и главным призом!» – справедливо предупреждал З. Бауман [там же: 267].

Нынешняя экспансия концепта власти-господства теоретически выражает отмеченную ситуацию. На рубеже XIX–XX вв. социальные институты и социальный порядок, нормы и ценности, культура (культуры) и ее (их) образцы, их традиционный характер в социальной науке рассматривались как базовые легитимирующие силы. Благодаря этому они могли успешно выступать как базовое средство объяснения поведения индивидов и групп, различения «социального» и «асоциального», ««нормального» и «анормального» («патологического», «девиантного», «делинквентного»), «ненасилия» и «насилия» (последним фактически считалось только нелегитимное насилие, направленное против устоявшихся норм и способствующее разрушению социального порядка). «Социальное принуждение» (“la contrainte sociale”) и «социальный контроль» рассматривались в качестве понятий социологии, выражающих сущность социализации и социальной жизни. Уместно вспомнить, что для Дюркгейма и Эдварда Росса эти понятия играли ключевую роль.

Сказанное относится и к феномену дисциплины, которую Дюркгейм считал одним из главных элементов социальных и моральных фактов [Дюркгейм, 2021: 129–175, 265–358]. Принудительность, нормы, дисциплина – эти явления в его интерпретации не просто навязываются извне «властью»: они – важнейшие элементы социальности, без которых последняя не существует. Социальные правила интериоризованы акторами, поэтому не воспринимаются ими как нечто давящее и навязываемое извне. Наоборот, они благо, ценности, к которым индивиды стремятся и которые любят.

Разумеется, речь не об идеализации европейских обществ рубежа XIX–XX вв. и их тогдашних теоретических интерпретаций. Но у ведущих теоретиков того времени преобладало представление о «нормальном» социальном порядке и социальности, как и о принципиальной возможности их рационального постижения и совершенствования. Положение изменилось. Для анархиста Фуко и его последователей, да и для представителей ряда других направлений социальной науки, категории «социальный порядок», «социальные институты», «социальное принуждение», «социальный контроль», «социальная дисциплина» заведомо негативны с любой точки зрения. Для них фактически отсутствует важное для Вебера различение легитимного и нелегитимного господства: оно само по себе, в принципе, нелегитимно.

Более того, все институты в таком понимании лишены легитимности, они всегда насильственно навязываются властью, прошлой и нынешней. Они представляют собой не что иное, как продукт победы (продукт временный) в непрерывной борьбе за власть, явной и скрытой, одержанной и ежедневно одерживаемой конкретными акторами, которые конфликтуют между собой и, разумеется, с доминируемыми акторами, которые осуществляют господство, сопротивляются ему и завоевывают его. Вместе с тем исчезает

традиционное для социологии различение нормального, с одной стороны, и аномального, патологического, делинквентного, девиантного – с другой: при таком подходе все последние понятия лишены смысла.

С подобной точки зрения любые формы социализации трактуются как непрерывное насилие, которому индивиды сопротивляются всеми возможными средствами. Границы между легитимным насилием и нелегитимным стираются. Государство, монополист «легитимного физического насилия» [Вебер, 1990: 645], лишается в наше время этой монополии вместе со всем социальным порядком, претендующим на легитимность. Наряду с ним в качестве официальных и полуофициальных источников легитимации все чаще выступают разнообразные анархистские и полуанархистские социальные движения, выступающие под лозунгами справедливости и освобождения. Конкурируя между собой и вступая в союзы с правыми, левыми, экологическими и постмодернистскими интеллектуальными течениями, они все чаще захватывают власть в университетско-академической сфере, в публичном пространстве, старых и новых медиа.

Среди этих движений, находящихся в состоянии борьбы между собой за господство и влияние, в свою очередь существуют господствующие и подчиненные движения, обладающие различной степенью реального воздействия на государственные институты, организации, старые и новые медиа. Они составляют в настоящее время серьезную конкуренцию государству в качестве источника легитимации институционального порядка, в определении того, какое насилие легитимно и справедливо, а какое нет. Со своей стороны, государства и межгосударственные союзы стремятся подчинить себе эти силы либо наладить с ними взаимодействие; иногда они вынуждены сами им подчиняться, явно или неявно.

Различные формы конкуренции, кооперации и альянсов «старых» и «новых» источников легитимации насилия определяют, какое насилие считать легитимным и справедливым, а какое нет. Более того, благодаря имеющимся в их распоряжении механизмам господства, в частности, в таких областях, как университеты, медиасфера, социальные сети, они вообще стремятся решать, что считать насилием, а что нет, где оно есть, а где его нет, что следует считать прогрессивной демократической революцией, а что насильственным подавлением свободного волеизъявления народа. И речь идет не о теоретических решениях, а об их реализации во внутренней и внешней политике.

Парадокс данной ситуации в том, что в условиях проблематичной легитимности социального порядка сами господствующие институты, организации и движения решают и внушают социетальному сообществу и глобализированному миру, кто субъект, а кто жертва господства; где легитимное господство, а где нет; где есть господство (а вместе с ним – несправедливость, насилие, угнетение и т.п.), а где нет.

Благодаря цифровизации, медиатизации, новым медиа, распространению влияния социальных сетей и других факторов в настоящее время возникают новые, в том числе скрытые, формы «власти-господства» внутри государств и в международном сообществе. На международной арене роль ООН и «старых» институтов подобного рода снижается. Появляются новые, изощренные способы манипуляций общественным мнением и другими институтами. Расширяются возможности камуфлирования этих манипуляций. Речь идет о формировании заданной повестки, акцентировании или преднамеренном игнорировании, вплоть до неупоминания или объявления несуществующими тех или иных явлений и событий, распространении фейковой информации и т.п.

Особенность нынешнего воздействия власти на социальные явления и события прежде всего в том, что оно носит неявный, скрытый характер. Соответственно, усилия исследователей все чаще должны быть направлены на обнаружение и анализ скрытых механизмов, посредством которых они действуют. Подобная ситуация порождает необходимость новых средств выявления, разоблачения и исследования отмеченных форм власти и господства. А это, в свою очередь, способствует тому, что в социальных теориях данным концептам, во многом вполне правомерно, придается огромное значение, гораздо большее, чем ранее. В «обществах спектакля» (выражение Ги Дебора) политическая

власть все более и более приобретает театральный, перформативный характер. Это относится и к внутренней [Александр, 2008], и к внешней политике.

На международной арене классический пример такого рода – война в Персидском заливе 1990–1991 гг., получившая название «телевизионной войны» и нашедшая отражение в работе Ж. Бодрийяра «Войны в Заливе не было» (1991). В ней автор показал, как пропагандистское господство США и их союзников в медиасфере позволило скрыть реальную картину насилия и представить его несуществующим [Бодрийяр, 2016]. За прошедшие десятилетия «симулякризация» реальности получила дальнейшее развитие и распространение внутри государств и на международной арене.

С другой стороны, в связи с отмеченной выше модой на политическую ангажированность социального знания, с его близостью к социально-политическому активизму, вовлеченностью в социальные движения, а также учитывая конформизм теоретиков по отношению к этим последним, обвинения в различных формах господства приобрели необычайную популярность. Объектами обвинений становятся кто угодно: белые, мужчины, белые мужчины, белые женщины, гетеросексуалы или гомосексуалы, отстаивающие свою идентичность и не желающие признавать изменчивый характер пола и гендера, деятели «господствующей» науки, представители нежелательных культур, которые необходимо «отменить», распространители своих культур или, наоборот, «апроприаторы» не своих культур, не имеющие права на вторжение на чужую культурную или расовую территорию, и т.д. и т.п.² Обвиняемые группы/категории могут существовать или нет, их давно может не быть на свете, но это неважно: потомки, результаты и следы их деятельности, а это практически вся история человечества, должны быть привлечены к ответственности и уничтожены морально и (или) физически.

В связи с предыдущим, объяснения властью в таком контексте оказываются чрезвычайно удобным и выигрышным орудием обвинения. В самом деле, власть в ее разновидностях всегда предполагает присутствие воли, целеполагания, выбора, намерения. Апеллирующие к ней социологические объяснения легко становятся обвинениями: одно фактически неотделимо от другого. Напротив, разного рода средовые, структурные, институциональные, исторические объяснения во многом безличны и гораздо менее пригодны для использования в качестве обвинения.

Что касается объяснений «властью-господством», то, учитывая упомянутое присутствие в них факторов воли, намерения, цели, они непосредственно влекут за собой вменения ответственности и вины определенным социальным силам и групповым акторам за те или иные социальные явления и события прошлого и настоящего. Безличная причинность уступает место ответственности-причинности и вине-причинности в качестве социологических объяснений.

Отсюда один шаг до обвинений в исторических прегрешениях, реальных или мифических, а также важная роль морализаторства и постоянных обличений. Объяснять в таких случаях – значит обязательно кого-нибудь *обвинять и обличать*. Так произошло в свое время с марксизмом. Знаменитый тезис Маркса о пролетариате как *могильщике буржуазии*, несмотря на оговорки и уточнения, в социальной теории и на практике быстро был превращен в тезис о пролетариате как *убийце буржуазии*.

Борьба с господством в этих условиях выступает как предлог для обоснования новых форм несправедливости взамен прежних. Она незаметно превращается в инструмент манипуляции и утверждения собственного господства. Особое значение в данном случае приобретают разного рода публичные спектакли и перформансы, в которых происходит самовиктимизация, изображение себя в роли жертв угнетения со стороны господствующих или ранее господствовавших злых сил.

Ненависть, обида, зависть, злоба, то, что часто описывается как *ресентимент*, становятся не просто эмоциональной реакцией на угнетение, а институционализированным

² Примеры такого рода см.: [Мюррей, 2021].

публичным жанром обличения, в котором перед лицом обвиняемого или того, кто его замещает, устраиваются особого рода политические акции, манифестации, спектакли и перформансы. В западных социально-политических практиках последних лет, в том числе на официальном уровне, в подобных акциях можно легко узнать заимствования советского опыта 1930–1950-х гг. или китайского опыта периода «культурной революции». Во многом подобного рода акции напоминают «двухминутки ненависти» и «недели ненависти», изображенные Дж. Оруэллом в романе «1984». В них используются такие средства, как оскорбления, диффамация, травля («буллинг»), бурное возмущение, истерические вопли и неистовый гнев³.

Во всем этом часто явно прослеживается стремление «жертвы» господства, реальной или мифической, заместить ее субъекта, занять его место и осуществлять то же самое господство под предлогом восстановления попорченной справедливости. Отсюда нетерпимость под видом борьбы с нетерпимостью, расизм под видом борьбы с расизмом, гендерное неравенство под видом борьбы с гендерным неравенством и т.п. Социология «подозрения» и «срывания масок» оказывается в данном случае весьма удобным орудием не только разоблачения, но возрождения и внедрения разного рода «темных сил».

«Натурализация» господства, о чем писал Бурдье, т.е. приписывание ему «естественного» характера, будто бы не зависящего от воли и желания самих господствующих, сегодня зачастую дополняется «натурализацией» межгруппового равенства и тождества. С этой точки зрения любые виды равенства, нередко доводимого до тождества между группами людей, следует признавать «естественными» и справедливыми. В то же время в таком понимании все виды неравенства, статусных различий и отношений власти должны трактоваться как «неестественные», несправедливые и не имеющие права на существование: их требуют рассматривать как стигматизирующие конструкции, принудительно навязанные господствующими социально-политическими силами. Взамен часто предлагается либо внедрять противоположные им стигматизирующие стереотипы, либо сосредоточить их на других социальных группах.

Вместе с тем подчеркну, что констатируемое в последние годы многими аналитиками усиление господства и гегемонизма западных стран, главным образом США, не могли не затронуть сферу социальной науки. В данной сфере под видом универсализма в глобальном мире так или иначе утверждался западный властный партикуляризм: глобализация в значительной мере обернулась вестернизацией. Естественной реакцией на этот процесс явились тенденции индигенизации и девестернизации социального, в частности, социологического знания. Каждая из этих тенденций достаточно сложна, разнородна и противоречива; в них можно обнаружить как факторы стагнации и деградации социального знания, так и плодотворные начала, способствующие его развитию [Терборн, 2022: 18–19]. Обе они, особенно индигенизация, чреваты тем, что одни формы господства, культурной замкнутости и партикуляризма (западные, особенно североамериканские) могут сменяться другими, не обязательно лучшими (восточными, южными и т.д.). В то же время девестернизация, направленная на преодоление западной гегемонии и достижение подлинной, а не фиктивной, универсальности, содержит в себе огромный потенциал расширения горизонтов и развития социальной науки. В любом случае этот потенциал может быть реализован лишь при условии признания одного важнейшего обстоятельства: научное, в том числе социально-научное, знание не только зависит от власти, но и в определенных пределах обладает автономией по отношению к ней, собственной логикой развития и самооценностью.

Заключение. Резюмируя, можно выделить пять причин рассмотренного господства идеи господства в современной социальной теории.

³ «Разгневанный» Фуко (см. об этом выше, с. 5) в данном отношении вновь выступает как превосходный образец для подражания у своих почитателей и вместе с тем как антипод беспристрастного «позитивиста», неангажированного ученого.

1) *Реальное усиление значения фактора «власти-господства» и внутри обществ, и на международной арене, связанное с отмеченным выше кризисом легитимности. Этот фактор часто скрывается за прокламируемыми правилами, которые в действительности носят не столько легитимный и универсальный, сколько навязанный и партикулярно-монополистический характер. Наряду с традиционным экономико-политическим и военным господством, усиливается роль символического господства.*

2) *Возникновение и усиление новых, часто скрытых форм господства, связанных с такими явлениями, как новые информационные технологии, деятельность новых медиа, расширение социальных сетей, театрализация и перформативный характер политических процессов.*

3) *Мода на ангажированную социальную науку и на ангажированность социальной науки, ее тесная вовлеченность в социально-политический активизм.*

4) *Популярность различных форм самовиктимизации среди различных социальных групп, изображения ими себя в качестве жертв тех или иных форм господства, иногда реального, иногда преувеличенного, иногда мифического; театральный и манипулятивный ресентимент; обвинения, основанные на разного рода «обидах», – теперешних и древних; претензии на собственное господство под предлогом борьбы с господством других.*

5) *Усиленная пропаганда, в том числе в университетско-академической среде, утопических концепций равенства, справедливости «освобождения» от всех форм господства и власти.*

Вопреки отмеченным выше модным социальным теориям, власть, в том числе политическая, – не всепроникающее и всеильное, а «нормальное» явление, существующее наряду с другими социальными явлениями и институтами и зависящее от них. Ее возможности могут достигать огромных, но не беспредельных масштабов. Разумеется, никаких иллюзий относительно власти быть не может: разного рода несправедливостей и злоупотреблений, исходящих из этого источника, в мировой истории всегда было и остается более чем достаточно. Хорошо известно, что часто именно под ее воздействием согласие является вынужденным, солидарность – принудительной, а подчинение – результатом насилия и беззакония. Проблема самоорганизации, самоуправления и автономии социальных субъектов по-прежнему остается актуальной.

Возможности сокрытия злоупотреблений власти, да и самого ее присутствия, сегодня безусловно возросли. Поэтому одной из главных и трудных задач социальной науки является обнаружение, исследование и критика всех негативных сторон властных отношений самых разных видов и масштабов. Но их источники далеко не всегда сосредоточены внутри самих этих отношений. Сведение к ним всех социальных отношений и институтов вряд ли способствует решению этой задачи. Наоборот, такого рода сведение может препятствовать ее решению, так как, безгранично расширяя концепты власти и господства, приписывая им множество самых разных, не присущих им социальных свойств, растворяя их среди других институтов, скрывают собственно эти явления и делают их невидимыми для исследования.

В основе «властного детерминизма», о котором шла речь выше, лежит искаженное или, по крайней мере, сомнительное и недоказуемое понимание природы человека как существа, целиком находящегося в плену “*libido dominandi*”, стремления к господству, озабоченного исключительно борьбой за власть и господство. Даже изучение социальных конфликтов, неравенства, стратификации или мобильности, да и самой власти, при таком подходе приобретает заведомо искаженный и упрощенный характер. Тем более это относится к исследованию других сторон социальной реальности, таких как социальные системы, структуры, взаимодействия, связи, сети, социализация, интеграция, солидарность, сплоченность, согласие, сотрудничество, кооперация, социокультурная преемственность, традиция и бесчисленное множество других социальных явлений, которые несводимы к власти и требуют постоянного исследовательского внимания сами по себе.

Может показаться, что рассмотренный взгляд на власть-господство как универсальный принцип объяснения социальных явлений и процессов сосредоточен исключительно

в таких областях, как социальная метафизика, абстрактная социальная теория, политическая философия или идеологическое обоснование отдельных социально-политических движений, и ограничен только ими. Но это не так. Границы между этими областями, с одной стороны, и собственно социологией – с другой, всегда было трудно провести, а сегодня особенно, отчасти под воздействием отмеченных выше факторов. Но, даже оставаясь в размытых пределах этих дисциплин, идея «властного детерминизма» оказывает влияние и на теоретическую социологию, и на различные отраслевые социологии, и на эмпирические исследования самых разных сторон социальной жизни.

Вполне очевидно, что в определенных границах концепты власти и господства, всестороннее изучение этих явлений имеют важнейшее значение, обойтись без них невозможно и не нужно. Но трактовать их как безграничные, всепоглощающие, определяющие всю социальную жизнь, а вместе с тем превращать социологию в науку о власти нет никаких оснований. Следует еще раз подчеркнуть: социальная жизнь бесконечно сложнее и богаче, чем ее властный аспект. Поэтому доминирование этих концептов, захват ими всего понятийного пространства социальной науки оказывают чрезвычайно негативное воздействие не только на эту последнюю, но и на социальную практику. Да, в последние годы мечта Ницше о том, чтобы превратить социологию в науку о власти, попытки Фуко и его почитателей реализовать эту мечту приобрели широкую популярность. Но, несмотря на это, отказаться от господства идеи господства крайне желательно, если мы не хотим, чтобы социология погружалась в интеллектуальное убожество и пустозвонство, а социальные движения вырождались в примитивный, деструктивный или, в лучшем случае, бесплодный активизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж.С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 3 (3). С. 73–80; 2009. № 1 (4). С. 61–72.
- Бауман З. Насилие – старое и новое // Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 259–275.
- Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ Классик, 2016.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
- Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Т. 1. М.: ВШЭ, 2016.
- Вен П. Фуко. Его мысль и личность. СПб.: Владимир Даль, 2013.
- Дюркгейм Э. Моральное воспитание. М.: ВШЭ, 2021.
- де Жувенель Б. Власть. Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011.
- Миллер Д. Страсти Мишеля Фуко. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013.
- Мюррей Д. Безумие толпы. М.: РИПОЛ классик, 2021.
- Терборн Й. Знание и власть: социальная наука и социальный мир // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 15–20.
- Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 467–523.
- Фуко М. «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005.
- Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- Фуко М. Дисциплинарное общество в кризисе // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью. 1970–1984. М.: Праксис, 2002. С. 319–323.
- Эрибон Д. Мишель Фуко. М.: Молодая гвардия, 2008.

Статья поступила: 27.02.23. Принята к публикации: 03.04.23.

DOMINATION OF DOMINATION IDEA: "THE WILL TO POWER" IN CONTEMPORARY SOCIAL THEORY. Part II

GOFMAN A.B.

National Research University Higher School of Economics, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexander B. GOFMAN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., National Research University Higher School of Economics; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (agofman@hse.ru).

Abstract. The article discusses the "power determinism" and "power reductionism" ideas, in particular, in relation to the scientific knowledge field. Unlike the classical era of social science, based on the idea of an honest and unbiased search for truth, today the idea of scientific knowledge as politically engaged and subordinate to social movements, acting under various "progressive" slogans, has gained extraordinary popularity. This ideology of conformism in relation to these movements largely occupies a dominant position in the Western university system today. A special role in the process of reducing scientific knowledge to the factor of power was played by the ideas of such left-wing anarchists and pioneers of "cathedral nihilism" as M. Foucault and P. Feyerabend. In their work, one can find sources of a number of popular social movements for which truth is exclusively a product of certain domination forms: class, racial, gender, colonial, etc.; the autonomy of scientific knowledge is denied. In part, the popularity of power determinism is explained by strengthening of the factor of political power and expansion of opportunities for its use and camouflage, in particular, thanks to modern information technologies. Cumulatively, the expansion of "power determinism" and "power reductionism" in the field of sociological knowledge leads to a reducing of its level and authority on a social and global scale.

Key words: power, domination, social theory, science, "power-knowledge", causes, effects, P. Feyerabend, M. Foucault.

REFERENCES

- Alexander J. (2008; 2009) The Democratic Struggle for Power: the 2008 US Presidential Campaign. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [The MGIMO University Bulletin]. No. 3 (3): 73–80; No. 1 (4): 61–72. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2016) *The Spirit of Terrorism. There Was No War in the Gulf*. Moscow: RIPOI Classic. (In Russ.)
- Bauman Z. (2002) Violence, old and new. In: Bauman Z. *The Individualized Society*. Moscow: Logos: 259–275. (In Russ.)
- Durkheim E. (2021) *The Moral Education*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Eribon D. (2008) *Michel Foucault*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
- Feyerabend P. (1986) Science in a Free Society. In: Feyerabend P. *Selected Works on the Methodology of Science*. Moscow: Progress: 467–523. (In Russ.)
- Foucault M. (2002) *Disciplinary Society in Crisis*. In: Foucault M. *Intellectuals and Power*. Part 1. Articles and Interviews 1970–1984. Moscow: Praxis: 319–323. (In Russ.)
- Foucault M. (2005) *"Society Must be Defended": Lectures at the Collège de France, 1975–1976*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Foucault M. (2011) *Security, territory, population*. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977/78 academic year. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Jouvenel B. de. (2011) *On Power: The Natural History of Its Growth*. Moscow: IRISEN, Mysl. (In Russ.)
- Miller J. (2013) *The Passion of Michel Foucault*. Moscow: Ekaterinburg: Kabinetnyi uchionyi. (In Russ.)
- Murray D. (2021) *The Madness of Crowds*. Moscow: RIPOI Classic. (In Russ.)
- Therborn G. Knowledge and Power: Social Science and the Social World. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 15–20. (In Russ.)
- Veyne P. (2013) *Foucault: His Thought, His Character*. St. Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)
- Weber M. (1990) Politics as a Vocation. In: Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress: 644–706. (In Russ.)
- Weber M. (2016) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Vol. 1. Moscow: VSHE. (In Russ.)

Received: 27.02.23. Accepted: 03.04.23.